

1910. 14 февраля.

„Траурное собраніе“.

Якая утрата, понесенная русскимъ театромъ, объединила вчера московскія драматическія сцены въ одну дружную семью. На разосланныя Художественнымъ театромъ приглашенія собраться вмѣстѣ по случаю кончины В. О. Коммиссаржевской оповѣщенные труппы прислали каждая нѣсколькихъ представителей. Ихъ, несомнѣнно, явилось бы еще больше, если бы не утренніе часы—обычное время репетицій. Кромѣ артистическаго персонала Художественнаго театра съ гг. Станиславскимъ и Немировичемъ-Данченко во-главѣ на «траурное» собраніе прибыли въ числѣ другихъ: г. Южинъ и г-жи Смирнова и Пашенная—отъ Малаго театра, г-жи Романовская, Блюменталь-Тамарина и Мартынова—отъ театра Корша, г. Годзи и г-жа Кручинина—отъ театра г. Незлобина, режиссеръ г. Лучининъ—отъ Введенскаго Народнаго дома, гг. Бахрушинъ и Красовъ—отъ московскаго отдѣленія театральнаго Общества; присутствовали также П. Д. Воборыкинъ, Н. В. Шпагинскій, представители прессы и нѣкоторые другія лица, близкія театральнымъ кругамъ. Нѣкоторые изъ дамъ были въ траурѣ. Всѣ собрались въ нижнемъ фойѣ передъ портретомъ покойной артистки, хорошо знакомымъ по Литературно-художественному Кружку, которому онъ принадлежитъ. Портретъ украшенъ былъ живыми цвѣтами. Собраніе открылъ Вл. И. Немировичъ-Данченко, предупредивъ присутствовавшихъ, что исключительно «гражданская» обстановка поминаенія является вынужденной обстоятельствомъ. Разрѣшенія отслужить въ театрѣ панихиду не получено. Посвятивъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ скончавшейся артисткѣ, одному изъ «свѣточей» русской сцены, который силою судьбы «погашенъ такъ безвременно», онъ пригласилъ почтить дорогую память усопшей. Всѣ въ глубокомъ молчаніи поднялись со своихъ мѣстъ. Хоръ Художественнаго театра запѣлъ «вѣчную память» и «со сватыми упокой».

Послѣ небольшой паузы мѣсто возлѣ портрета занялъ П. Д. Воборыкинъ. Оговорившись, что утруждать слушателей «авторскими» воспоминаніями не желаетъ, а говорить лишь какъ «зритель и другъ театра», онъ охарактеризовалъ

покойную уже извѣстнымъ своимъ опредѣленіемъ. Она была «актриса изъ жизни», принесшая съ собою цѣлый комплексъ переживаній, не только личныхъ, но также и изъ окружавшей ее жизни, отразившая психику своего времени, своей эпохи. Отмѣчая исканія, «вѣчный порывъ» Коммиссаржевской, ораторъ ука-

залъ какъ на особенно цѣнное качество, что она не была носителемъ традицій. Это былъ талантъ-самородокъ. Пожеланіемъ русскому театру въ дальнѣйшей его жизни такихъ же самородковъ ораторъ закончилъ свое обращеніе. А. И. Южинъ подчеркнул въ своей рѣчи тотъ утѣсъ и ту «безмыслицу» понесенной русскимъ обществомъ утраты, которую не смогли заслонить даже происшедшія одновременно въ окружающей жизни событія. Говорили далѣе: Н. Е. Эфросъ, ознакомившій слушателей съ личными впечатлѣніями отъ игры Коммиссаржевской и нѣкоторыми ея письмами къ нему, С. В. Потресовъ-Яблоновскій, также вспоминавшій игру покойной и собственныя впечатлѣнія, и, наконецъ, Н. В. Туркинъ, непосредственность бесѣды котораго привлекла особенное вниманіе слушателей. Описывая первые сценическіе успѣхи Коммиссаржевской въ Новочеркасскѣ, гдѣ театральное большинство прочло ее лишь для водовоя и только Роцинъ-Инсаровъ почувствовалъ въ ней «громаду» таланта, ораторъ далъ образную характеристику Коммиссаржевской. На этомъ закончилось «траурное» собраніе. Всѣ присутствовавшіе были приглашены затѣмъ наверхъ, къ чайнымъ столамъ, и здѣсь, размѣстившись группами, провели около часа вмѣстѣ. Первый опытъ сліянія московской театральной семьи, по крайней мѣрѣ большей ея части, въ одно цѣлое надо признать удавшимся, и честь инициативы принадлежитъ Художественному театру.

По предложенію дирекціи Художественнаго театра «траурнымъ» собраніемъ постановлено послать сочувственныя телеграммы брату покойной В. Ю. Коммиссаржевской и заботѣвшимся вмѣстѣ съ ней членамъ ташкентской труппы.